

Фёдор Абрамов
Были и небыли Степана Писахова

Русский Север, заповедный край нашей национальной культуры, испокон века славится своим словом. Сказки, былины, песни, разные старины еще до революции вывозили возами. А старинные русские книги, печатные, рукописные – и с ними был в дружбе северянин – вывозят еще и поныне. И что удивительного, что именно холмогорский мужик Михайло Ломоносов положил начало истинной учености на Руси, стал основателем нового русского стихосложения.

На редкость урожайной на красное слово оказалась архангелогородская земля в XX веке, когда Россия переживала свое второе возрождение. Алексей Чапыгин, Николай Клюев, Борис Шергин – какие своеобразные таланты! Сложные, нередко противоречивые и очень северные – по языку, по образности, по своей нравственной сути.

А каким буйным северным сиянием взыграл в нашей литературе Степан Писахов, сто лет со дня рождения которого исполняется сегодня!

Все в Степане Григорьевиче Писахове было самобытно и неповторимо: внешность – вылитый конёнковский мужичок-лесовичок, придумщик и фантазер, каких свет не видывал, и любовь, привязанность одна на всю жизнь – родной Север.

В молодости, пишет он, ему довелось два года путешествовать по странам Ближнего Востока, учиться в Риме и Париже, и он так истосковался по русской зиме, по снегу, что, вернувшись домой, уже летом, первым делом кинулся на Мурман – искать уцелевший снег.

Север, Арктику (он был участником первой экспедиции Русанова, потом разыскивал Седова, Брусилова и Русанова, плывал с прославленным ледовым капитаном Ворониным) Писахов изъездил вдоль и поперек. И мало кто так знал, так чувствовал родной край, его культуру и быт, его обычаи и обряды, сказки и легенды, его чудо-язык.

Литературное наследие Писахова (он был еще и живописец) невелико – всего один сборник сказок. Да зато каких сказок! По безудержности и буйству фантазии и выдумки, по невероятному сплаву были и небыли, по слову, задорному, хлесткому, радужно-цветастому и всегда с крепким наваром северной говори, наконец, по особенностям характера главного героя сказки Писахова не с чем сравнить в нашей литературе, да только ли в нашей!

Сеня Малина, от лица которого ведутся писаховские сказы, – фигура, я бы сказал, сказочная лишь относительно. У него, например, совершенно конкретная «прописка» – деревня Уйма, что в восемнадцати верстах от города Архангельска. И по образу жизни своей он человек нового склада, крестьянин-помор из породы бывалых и артельных людей, Малина последнюю рубашку готов соседу отдать.

В отличие от Иванушки-дурачка, любимого героя русских народных сказок, который везде, на каждом шагу находит себе помощников (добрые люди и духи, вещи, звери и птицы), Сеня Малина – сам великий умелец. Все он умеет делать: ловить рыбу, собирать ягоды, охотиться, работать на «железке», править пароходом, торговать на базаре... И как делать, как работать! Весело, с азартом, «в десять рук», как говорит он сам, и – изобретательно, находчиво.

И вот тут начинается уже сказка. Ну мыслимо ли въяве баню в пароход превратить? А Сеня Малина баню углом в воду столкнул, в крышу жердину с половиком воткнул, «баню натопил, пару нагонил, трубой дым пустил» – в море поплыл. А песни,

обыкновенные северные песни можно заморозить да еще на продажу за море вывозить? Можно. «Весной песни затают, зазвенят, как птицы как невиданы запоют».

Сеня Малина все может, все умеет. Для него, с его несравненной смекалкой и предприимчивостью, ничего невозможного нет. Он засушивает впрок, прозапас северное сияние – зимой, в темное время, ах, как светло с ним! Он переправляется на корабле через Карпаты, он расхаживает по городу с налимом, как с собачкой, на веревочке, волков в лесу не ружьем, а лютым холодом берет – морозит. Да чего-чего он только не придумывает, каких только номеров не выкидывает! У него даже самое обыкновенное письмо становится «мордобитным». Ибо оно столь круто, столь сердито написано, что каждое слово заводчика-жулика по морде хлещет, а потом очередь и до губернатора, до «министров» доводит – и их «за весь рабочий народ» по мордасам колотит и хлещет.

Да, выдумки и фантазии Писахову не занимать, выдумка и фантазия бурлят у него в каждой сказке, в каждой строке. Писахов – рассказчик из рассказчиков. У всякого слова его, говоря устами Малины, «свой вид, свой цвет, свой свет». Шутки, прибаутки, разные потешки и присказки, всякие подковырки и заковырки вешним половодьем разливаются по его сказкам. А потом все у него в движении, в кипении, в вихре – человек, звери, вещи: самовар пляшет, печка пляшет, «соборна колокольня за поожарну каланчу» замуж выходит, деревня Уйма в город на свадьбу идет. И все по-северному крупно, размашисто: река – так- полтора-верст в ширину, аппетит – так за один присест «съел два ушата штей», а уж если ягоды начнет Малина собирать – пять пудов в горсть, не меньше.

Откуда же такая лихость, такая выдумка, такая неистовая образность?

Многое питало талант Писахова-сказочника: и фольклор, и вечно живые образы отечественной и мировой литературы, и поморский уклад жизни, рождавший людей богатырской удали и яркого, меткого слова, и вся атмосфера бурного XX века с его революциями и фантастическими научно-техническими открытиями, чуть ли не переворачивающими привычную картину мира. Атмосфера, породившая небывалый масштаб художественного мышления. Ярчайший пример тому – Маяковский, который запросто распивает чай с солнцем и через века разговаривает с Пушкиным.

Ну а если непременно докапываться до родословной писаховского героя, то он, конечно же, из веселого племени русских скоморохов, тех бывалых потешных людей, речевое искусство которых и по сие время дает себя знать в языке северян. Да и в литературе русской скомороший заквас то и дело прорывался задорным народным словом. Скажем, пушкинский Балда или гоголевский пасечник Рудый Панько – разве на каждого из них не падают отсветы смеховой культуры, носителями которой в Древней Руси были скоморохи? И, конечно, безуныный, веселый нрав и дух далеких предков воспрянули в Василии Теркине, смех и шутки которого так поддерживали и окрыляли наш народ в годы войны.

Степан Писахов, несомненно, принадлежит к самым замечательным и своеобразным сказочникам мира. Но Андерсена, братьев Гримм у нас знают все от мала до велика, о них написаны горы книг. А хорошо ли мы знаем своего соотечественника? Не слишком ли мало, от случая к случаю, издаем его?

На берегах Северной Двины, которая раскинулась под Архангельском, как море, ныне отстраивается новый город. И отстраивается, с удовольствием отмечаю, неплохо. Его набережная, например, по своей широте и размашистости, может быть, не знает себе равных в мире. Да и улицы отдельные удались, чего, к сожалению, не скажешь о многих нынешних городах.

Но вот вопрос: предусмотрено ли в новой столице Севера увековечить мир сказки и былины? Почувствует ли приезжий человек, что он попал в край, где живет еще дух прославленной беломорки Марфы Крюковой и великой сказительницы с Пинежья Марии Кривополеновой?

Само собой, подобные раздумья напрашиваются и в отношении писателей-северян, и прежде всего Степана Писахова, который долгие годы был одним из самых знаменитых людей старого деревянного Архангельска.

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник: Были и небыли Степана Писахова / Федор Абрамов // Советская Россия. – 1979.
– 24 октября.